

В замкнутом мире правда — единственный путь наружу

ПОЕЗД № 2027

ХАНТЕР МАККЕЙ

18+

Хантер Маккей

Поезд номер 2027

«Автор»

2026

Маккей Х.

Поезд номер 2027 / Х. Маккей — «Автор», 2026

Поезд номер 2027 не приходит ни на одну станцию. У него нет маршрута, расписания и конечной точки. Люди просыпаются в сорок втором вагоне после посадки из разных городов и обстоятельств и обнаруживают, что двери заблокированы, связь отсутствует, а билеты содержат только номер вагона и место. Сначала система кажется заботливой: пассажиров кормят, лечат, экраны показывают спокойные новости, а голос диктора уверяет, что всё находится под контролем. Но постепенно становится ясно, что комфорт здесь — лишь способ приучить людей к послушанию, а любое несогласие объявляется «деструктивным поведением». Несколько пассажиров начинают собирать факты, которые противоречат официальной версии происходящего. «Поезд номер 2027» — социально-философская антиутопия о страхе, манипуляции, стигматизации и цене правды в обществе, где безопасность стала главным оправданием тотального контроля.

© Маккей Х., 2026

© Автор, 2026

Хантер Маккей

Поезд номер 2027

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Пролог

Стук колес сопровождал Дениса всю его короткую жизнь. Ему было одиннадцать, и он не помнил ни станции, ни улицы, ни неба без прямоугольной рамы окна. Только вагон номер сорок два, запах чая, дрожание подстаканников и тьму за двойным стеклом.

Ночью Денис стоял в коридоре и рисовал пальцем на запотевшем окне длинный состав. Впереди он поставил маленький локомотив, хотя никогда его не видел.

— Не спится? — спросил проводник.

Он нес чай пожилой женщине, поправил упавший плед на ее полке и только потом подошел к мальчику. На его светлой рубашке была старая эмблема с перекрещенными ключами.

— Я думаю, кто построил поезд, — ответил Денис.

Проводник посмотрел в темноту за окном.

— Хороший вопрос.

— А вы знаете?

— Я знаю, как прочистить кран, где лежит запасное одеяло и кому нужен врач. Остальное — не моя работа.

— Но кто-то же должен знать.

Проводник помолчал дольше, чем требовал вежливый разговор.

— Наверное. Если узнаешь — расскажи мне.

Он ушел дальше по коридору. Денис стер нарисованный локомотив и поставил на его месте вопросительный знак. За стенами вагона кто-то кашлял, кто-то спорил о пайках, кто-то шепотом молился. Поезд продолжал движение, начала которого Денис не знал и конца которого никто не видел.

Глава 1. Прибытие в вагон 42

Металл охлаждал пальцы, покрытые тонким слоем вагонной пыли. Илья с силой надавил на край пластиковой панели, скрывающей механизм тамбурной двери, но пластик даже не скрипнул. Красный светодиод над магнитным считывателем оставался мертвым. Питание на замок не подавалось.

Ритмичный стук колес отдавался в подошвах ботинок, пока молодой инженер пытался просунуть лезвие складного ножа в узкую щель между створками. Лезвие вошло на пару миллиметров и уперлось в непреодолимую преграду. Дело было не в обесточенной электронике. Кто-то заблокировал дверь снаружи массивным механическим засовом или штырем, превратив обычный межвагонный переход в глухую стену.

Сквозняк гулял по тускло освещенному коридору сорок второго вагона. Илья убрал нож в карман куртки и обернулся. Вдоль узкого прохода тянулись ряды закрытых купейных дверей и полуоткрытых боковых полок, обитых потертым бордовым бархатом.

Справа от двери, в пластиковом гнезде под стеклом, висел красный аварийный молоток. Надпись под ним гласила: «При аварии разбить стекло».

Рука инженера сама потянулась к рукоятке. Защитное стекло гнезда поддавалось легко, осыпавшись мелкими безопасными осколками на резиновый коврик. Илья перехватил тяжелую красную рукоять поудобнее. Он не собирался устраивать панику, просто хотел проверить

запасной выход на случай пожара. Размахнувшись, он ударил острым металлическим бойком в центр широкого окна на тамбурной площадке.

Вместо ожидаемого звона и треска раздался глухой, вязкий удар, словно молоток врезался в монолитную бетонную плиту. Отдача сушила кисть. На стекле не появилось ни единой царапины, ни малейшей паутинки трещин.

— Даже не пытайтесь, — раздался за спиной спокойный женский голос.

Илья резко обернулся, опуская молоток. В паре метров от него стояла женщина лет тридцати в строгом сером плаще. Ее темные волосы были собраны в небрежный узел, а в руках она держала прямоугольник плотного картона.

— Я Анна, — представилась она, делая шаг ближе и рассматривая окно. — Журналист. И я уже пробовала открыть окно в своем купе. Там та же история. Это не обычный сталинит. Больше похоже на авиационный поликарбонат или бронестекло.

— Илья. Инженер-проектировщик. — Он повесил бесполезный инструмент обратно на погнутое крепление. — Тамбурная дверь заперта снаружи механически. Тока на замках нет. Нас просто замуровали в этом блоке.

Скрип петель прервал их разговор. Из глубины вагона в тамбурную зону вышли еще несколько человек. Пожилой мужчина в помятом пиджаке поддерживал под локоть свою жену — оба выглядели растерянными и сонными. Следом за ними шагал высокий, крепко сбитый мужчина с короткой армейской стрижкой. Его камуфляжная куртка была застегнута на все пуговицы, а взгляд цепко сканировал пространство, задерживаясь на Илье, на разбитом гнезде молотка и на Анне.

— Что за шум? — спросил мужчина в камуфляже. Его голос звучал густо и властно, заполняя узкое пространство тамбура. — Зачем инструмент трогали?

— Искал выход, — коротко ответил Илья. — Двери заблокированы.

— Виктор, — представился военный, ни к кому конкретно не обращаясь. Он подошел вплотную к стеклу, провел по нему костяшками пальцев, оценивая плотность материала. — Бывший офицер связи. Если двери закрыты, значит, таков регламент безопасности. Дождемся проводника.

— Мы ждем уже несколько часов, — вмешался пожилой мужчина, поправляя очки на переносице. — Моя жена, Елена, нуждается в свежем воздухе. А никого из обслуживающего персонала нет. Меня зовут Михаил. Мы сели в этот поезд ночью, билеты проверяли в какой-то спешке, в темноте...

Анна подняла руку с зажатым в ней прямоугольником картона.

— Раз уж мы начали знакомиться. Посмотрите на свои билеты.

Виктор нахмурился, но полез во внутренний карман куртки. Илья тоже достал свой квиток. Это была не обычная термобумага, какую выдают терминалы на вокзалах, а плотный, почти пластиковый картон с глубоким тиснением.

— Что с ними не так? — спросила Елена, опираясь на плечо мужа.

— Прочтите, что там написано, — предложила Анна, наблюдая за лицами попутчиков.

Инженер поднес картонку поближе к тусклому потолочному плафону. Черные буквы складывались в короткую строчку: *Вагон 42, место 18.*

— И всё? — Илья перевернул билет. Обратная сторона была абсолютно пустой. Ни штрихкода, ни водяных знаков. — Ни станции отправления, ни пункта назначения. Даже времени прибытия нет.

— У меня то же самое, — сухо констатировал Виктор, пряча свой билет обратно. — Место двадцать два. Вероятно, временные посадочные талоны из-за сбоя в системе. На узловых станциях такое бывает, когда сервера ложатся.

— Сбой в системе не объясняет бронированные окна и заваренные снаружи двери, — парировала Анна.

Внезапно из глубины коридора донесся отчаянный, срывающийся крик:

— Максим! Максюша!

Разговоры в тамбуре мгновенно стихли. Пассажиры переглянулись и бросились по узкому проходу на голос. В середине вагона, возле двадцать седьмого места, металась женщина. Она лихорадочно сдергивала одеяла с пустых полок, заглядывала под нижние сиденья, ее руки дрожали. Светлые волосы растрепались, на бледном лице застыла маска абсолютного ужаса.

— Женщина, успокойтесь, — Виктор шагнул к ней, пытаясь перехватить за плечи, но она вырвалась с неожиданной силой.

— Не трогайте меня! Где мой сын?! — Она отшатнулась к окну, прижимая к груди небольшую сумку. — Он был прямо за мной. Я держала его за руку, когда мы поднимались по ступеням!

Елена мягко приблизилась к ней, протянув руки ладонями вверх, демонстрируя отсутствие угрозы.

— Милая, как вас зовут? Давайте вместе поищем. Дети часто прячутся в поездах, им интересно исследовать новые места.

— Вера, — всхлипнула женщина, оседая на край нижней полки. Она судорожно расстегнула молнию на сумке и достала помятую цветную фотографию. — Максим. Ему восемь лет. На нем была синяя куртка со светоотражающими полосками.

Анна взяла фотографию. С глянцевої бумаги на нее смотрел улыбающийся мальчик в теплой зимней шапке и толстом пуховике, стоящий на фоне заснеженной елки. Журналистка нахмурилась, переводя взгляд с фотографии на легкий плащ самой Веры, не соответствующий зимней экипировке ребенка.

— Когда вы сажались в поезд, Вера? — тихо спросила Анна.

— Ночью. Была ужасная давка на перроне, — голос Веры дрожал, она комкала в руках край своего шарфа. — Объявили посадку, все ринулись к дверям. Какой-то мужчина с чемоданом оттер меня в сторону. Я крикнула Максиму, чтобы он держался за поручень. Я поднялась первой, обернулась... а его нет. Двери закрылись. Я стучала, кричала, но поезд сразу тронулся.

— В каком вагоне он мог остаться? — по-деловому уточнил Илья. — Если он не успел в сорок второй, возможно, проводники посадили его в соседний. Нам нужно просто связаться с начальником поезда.

— Двери заблокированы, связи нет, — напомнил Виктор. Военный обвел взглядом собравшихся вокруг пассажиров. Из соседних купе начали выглядывать другие люди, разбуженные шумом. Ситуация грозила выйти из-под контроля.

Виктор выпрямился, расправив плечи, и его голос зазвучал громче, перекрывая монотонный стук колес:

— Внимание всем! Ситуация нестандартная, но паника нам не поможет. Двери закрыты, связи с локомотивом пока нет. Мы не знаем, сколько продлится перегон. В таких условиях главное — дисциплина и учет ресурсов.

Многочисленные взгляды скрестились на фигуре в камуфляже. Илья прищурился, чувствуя, как в груди поднимается раздражение от этого командного тона.

— Какой еще учет? — возмутился Михаил, выступая вперед и заслоняя собой жену. — Мы пассажиры, а не новобранцы в казарме. Я заплатил за билет и требую нормальных условий.

— Ваши требования сейчас некому предъявлять, — отрезал Виктор, глядя на пожилого мужчину сверху вниз. — Если мы застряли здесь надолго, нам нужно знать, сколько у нас питьевой воды, еды и медикаментов. Я предлагаю провести полную инвентаризацию личных вещей. Все продукты питания и воду собрать в одном месте для равномерного распределения.

Слова военного повисли в душном воздухе вагона. На несколько секунд воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая только тихим плачем Веры.

— Вы с ума сошли? — первой нарушила молчание Анна. Она скрестила руки на груди. — Вы предлагаете нам добровольно сдать свои вещи первому встречному, который решил назначить себя командиром? Это поезд, а не бункер. Мы просто едем до следующей станции.

— А вы уверены, что она скоро будет? — Виктор шагнул к журналистке, его лицо оставалось непроницаемым. — Инженер подтвердил: замки обесточены, окна бронированные. Это не похоже на обычный пассажирский рейс. Пока мы не поймем, что происходит, я беру ответственность за безопасность на себя.

— Ответственность берут, когда ее делегируют, — негромко, но твердо произнес Илья, вставая между Виктором и Анной. — Никто вас не выбирал. Мы сами разберемся со своими вещами. Сейчас главная проблема — найти ребенка и открыть проход в соседний вагон.

Воздух между инженером и бывшим военным сгустился. Казалось, достаточно одной искры, чтобы словесная перепалка переросла в физическое столкновение.

— Подождите, — Анна подняла руку, прерывая назревающий конфликт. Ее взгляд снова опустился на фотографию мальчика в зимней куртке. — Вера. Вы сказали, что посадка была ночью. Какого числа?

Вера подняла заплаканные глаза, не понимая, к чему этот вопрос.

— Двенадцатого ноября. В Екатеринбурге шел сильный снег, рейсы задерживали...

Михаил удивленно моргнул, поправляя очки.

— Какого ноября? Милая дама, вы, должно быть, в шоке. Мы с Леночкой сели в вагон вчера вечером, пятнадцатого мая. В Ростове цвели каштаны. Мы ехали в санаторий.

Илья почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он медленно перевел взгляд с Михаила на Веру.

— Пятнадцатое мая? — эхом отозвался Виктор, и в его уверенном командирском голосе впервые проскользнула растерянность. — Я сел на станции в Новосибирске. Второго августа. Жара стояла под тридцать градусов.

Анна достала из кармана плаща маленький блокнот и ручку. Журналистская хватка взяла верх над страхом.

— Так. Давайте еще раз. Екатеринбург, ноябрь. Ростов, май. Новосибирск, август. — Она быстро записала данные на чистом листе. — Я села в Москве. В конце сентября. Шел проливной дождь.

Стук колес внезапно показался Илье оглушительно громким. Поезд слегка качнуло на стрелке, и этот физический толчок вернул реальность, которая теперь казалась совершенно безумной. Четыре разных человека. Четыре разных времени года. Четыре разных города. Но все они проснулись в одном вагоне с закрытыми дверями.

— Это невозможно, — прошептала Елена, прижимая руку к груди. — Может быть, мы спали дольше, чем думаем? Может, это какой-то газ... или эксперимент?

— Эксперимент, стирающий память о месяцах пути? — Илья покачал головой. — У нас бы отросли волосы, ногти. Мы бы умерли от обезвоживания, если бы спали так долго.

— Значит, кто-то из нас лжет, — сделал вывод Виктор, его взгляд снова стал жестким. — Или у кого-то проблемы с психикой.

— Никто не лжет.

Тонкий, почти детский голос раздался из самого темного угла вагона, со стороны боковых полок, где до этого момента не было видно никакого движения.

Пассажиры расступились. Из тени на свет тусклых плафонов шагнул мальчик лет одиннадцати. На нем были потертые вельветовые штаны и слишком большая серая кофта, рукава которой приходилось подворачивать. В руках он держал толстую общую тетрадь в клеенку и огрызок карандаша.

Вера ахнула и бросилась к нему, но, разглядев лицо, остановилась. Это был не Максим. У мальчика были темные, внимательные глаза и серьезное, не по-детски сосредоточенное выражение лица.

— Ты откуда взялся, мальчик? — нахмурился Виктор. — Чей ты ребенок?

— Я ничей. То есть, я местный, — спокойно ответил мальчик, открывая тетрадь. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком. — Меня зовут Денис. Я всё записал. Москва, сентябрь. Ростов, май. Екатеринбург, ноябрь. Новосибирск, август.

— Ты едешь один? — Анна присела перед ним на корточки, стараясь говорить максимально мягко. — Где твои родители? Они в другом вагоне?

Денис перелистнул страницу, аккуратно выводя новые даты под предыдущими записями.

— Моя мама умерла три года назад. В тридцать восьмом купе. А папу я не знал. Я родился здесь, в сорок втором вагоне.

Слова ребенка упали в тишину, словно камни в глубокий колодец. Илья посмотрел на старую, затертую обивку сидений, на многолетнюю пыль в углах вентиляционных решеток, на царапины вокруг дверных ручек. Вагон действительно не выглядел новым. Он выглядел обжитым.

— Родился здесь? — недоверчиво переспросил Михаил. — Сколько же ты едешь?

— Одиннадцать лет.

Вера подошла ближе, ее руки всё еще дрожали, но в глазах появилась отчаянная надежда.

— Девочка... то есть, мальчик... Денис. Если ты так давно едешь, ты должен знать маршрут. Скажи, какая станция следующая? Где мы остановимся? Мне нужно найти начальника станции, чтобы они связались с платформой, где остался мой Максим!

Денис поднял голову от своей тетради. Его взгляд остановился на заплаканном лице Веры, затем скользнул по фигуре Виктора, лицу Анны и лицу Ильи. В его глазах не было ни страха, ни насмешки. Только спокойная констатация факта, с которым он жил всю свою короткую жизнь.

— Я никогда не видел станций, — сказал Денис. — Поезд никогда не останавливается.

За окном, сквозь толстое бронированное стекло, в непроглядной тьме мелькнул одинокий сигнальный огонь и мгновенно исчез позади. Вагон слегка качнулся, набирая скорость. Колеса продолжали выстукивать свой бесконечный ритм по стальным рельсам, унося сорок второй вагон всё дальше в темноту, у которой не было ни начала, ни известного конца. Илья посмотрел на заблокированную тамбурную дверь, понимая, что их путешествие только начинается, и старые правила внешнего мира здесь больше не работают.

Глава 2. Вагон, который уже живет

Ровное, монотонное гудение под потолком почти сливалось с извечной вибрацией пола, но для натренированного уха биолога этот звук выделялся из общего шумового фона. Марина балансировала на самом краю верхней боковой полки, придерживаясь одной рукой за хромированный поручень. В другой руке она сжимала раскрытое пудреницу, пытаясь поймать крошечным зеркальцем отблеск коридорной лампы и направить луч вглубь темной вентиляционной щели. Пластиковая решетка давно пожелтела от времени, а ее края обросли плотным слоем серого войлока.

— Что вы там высматриваете? — голос Анны прозвучал вполголоса. Журналистка остановилась рядом, прижимая к груди свой блокнот, словно щит. После утренней паники и осознания запертых дверей люди разбрелись по купе, пытаясь осмыслить новую реальность.

Марина аккуратно спрыгнула на потертый коврик, отряхивая ладони. Ее строгое лицо, обрамленное короткой стрижкой, выражало глубокую озадаченность.

— Пытаюсь понять, чем мы дышим, — биолог убрала зеркальце в карман просторной кофты. — В обычных пассажирских составах система кондиционирования забирает воздух

снаружи, прогоняет через фильтры и подает в салон. Здесь всё иначе. Я проверила тягу с помощью нитки и зажигалки. Воздух не поступает извне.

Анна нахмурилась, делая быструю пометку в блокноте.

— Хотите сказать, вентиляция не работает? Но мы бы уже задохнулись.

— Она работает, но по замкнутому циклу, — Марина понизила голос, оглядываясь на спящего на соседней полке подростка. — Как на подводной лодке или орбитальной станции. Там, за панелями, установлены мощные регенераторы. Они забирают углекислый газ, очищают его, обогащают кислородом, конденсируют влагу и возвращают обратно. Это полностью автономная биосфера. Кто бы ни запер нас здесь, он позаботился о том, чтобы мы могли существовать в изоляции месяцами. А может, и годами.

Перспектива провести годы в замкнутом пространстве заставила Анну зябко повести плечами. Журналистка кивнула Марине и медленно пошла дальше по коридору, вглядываясь в лица попутчиков. Вагон сорок два оказался гораздо больше, чем казался на первый взгляд. За каждым поворотом узкого прохода, за каждой полуоткрытой дверью купе открывался новый микрокосм.

Возле блестящего металлического титана с кипятком собралась небольшая группа. Вода в резервуаре оставалась обжигающе горячей, хотя никто не видел, чтобы кто-то подкидывал уголь в топку. В центре кружка стоял Борис — мужчина лет сорока в слегка помятом, но дорогом костюме. Он активно жестикулировал, держа в руке стакан в мельхиоровом подстаканнике.

— Поймите простую вещь, господа, — вещал Борис тоном университетского лектора. — Никакой мистики здесь нет. Разные даты посадки, заблокированные переходы, автономная вентиляция — всё это укладывается в одну логичную концепцию. Мы стали участниками масштабного социального эксперимента.

Несколько человек слушали его с напряженным вниманием. Пожилая женщина нервно теребила край пухового платка, а высокий парень в спортивном костюме хмуро смотрел в окно.

— Вспомните Стэнфордский тюремный эксперимент или проекты по изоляции добровольцев перед марсианскими миссиями, — продолжал развивать свою теорию Борис. — Нас намеренно вырвали из привычной среды, поместили в стрессовые условия и теперь наблюдают. Где-то там, за бронированными стеклами или скрытыми камерами, сидят аналитики с планшетами и фиксируют каждую нашу реакцию. Паника — это их первая метрика. Если мы начнем бросаться на стены, они получат нужные данные. Наша задача — сохранять абсолютное спокойствие и саботировать их сценарий рациональным поведением.

Слушатели забормотали, обдумывая услышанное. Теория Бориса пугала, но одновременно давала надежду: если это эксперимент, значит, у него есть конечная цель, сроки и организаторы, с которыми рано или поздно можно будет поговорить.

Внезапно из-за спины Бориса вынырнула долговязая фигура. Леон, театральный актер с невероятно подвижным лицом и копной кудрявых волос, театрально взмахнул руками. В его пальцах была зажата чайная ложка и кусок сахара-рафинада.

— О, великие наблюдатели из-за стекла! — Леон возвел глаза к закопченному потолочному плафону, приняв позу античного жреца. — Мы, ваши покорные подопытные мыши, молим вас! Запишите в свои планшеты: объекту номер семьдесят три критически не хватает лимона к чаю! И если можно, добавьте в сценарий немного коньяка, иначе наш рациональный саботаж провалится из-за банальной трезвости!

По коридору прокатился первый за сегодняшний день искренний смешок. Парень в спортивном костюме фыркнул, отворачиваясь от окна. Пожилая женщина улыбнулась, прикрывая рот ладонью. Борис недовольно поджал губы, чувствуя, как его серьезная академическая атмосфера рушится под натиском балагана.

— Смейтесь, смейтесь, — проворчал теоретик, отпивая чай. — Посмотрим, как вы будете шутить, когда они усложнят условия задачи.

Леон подмигнул Анне, проходящей мимо. Журналистка заметила, что, несмотря на широкую улыбку, глаза артиста оставались тревожными. Юмор был его способом защиты, тонким щитом против нарастающего безумия. Он разряжал обстановку не потому, что ему было весело, а потому, что боялся тишины.

Анна миновала еще два купе и остановилась возле восемнадцатого. Дверь была сдвинута наполовину. Внутри не было ни паники, ни громких споров. Трое мужчин делили тесное пространство с удивительной грацией, словно давно привыкли к присутствию друг друга.

Слева, скрестив ноги на нижней полке, сидел Тензин. Буддийский наставник в бордовой накидке поверх обычной теплой кофты ритмично перебирал деревянные четки. Его глаза были полуприкрыты, а дыхание сливалось с вибрацией вагона. Напротив него располагался Тарик — молодой мусульманский богослов с аккуратной темной бородой. Он разложил на столике лист бумаги и пытался что-то вычислить с помощью карандаша и карманного компаса. На верхней полке, свесив ноги в простых шерстяных носках, устроился брат Серафим. Православный монах в потертом подряснике читал маленькую книжку в кожаном переплете, беззвучно шевеля губами.

— Простите, что мешаю, — тихо произнесла Анна, прислонившись к косяку. — Я собираю информацию. Пытаюсь понять, кто мы такие и как здесь оказались. Вы давно знакомы?

Серафим оторвался от чтения и заложил страницу тонкой ленточкой. Его лицо светилось мягкой, всепрощающей усталостью.

— Мы познакомились только сегодня утром, дочка. Когда поняли, что выйти на перрон не получится.

Тарик со вздохом отодвинул компас. Магнитная стрелка дрожала, непрерывно меняя направление из-за обилия металла вокруг и постоянного движения состава.

— Я пытаюсь определить киблу, — пояснил он, заметив взгляд журналистки. — Направление для молитвы. Но поезд постоянно закладывает плавные дуги. То, что было востоком пять минут назад, теперь становится севером. Земля под нами меняется быстрее, чем я успеваю сделать расчет.

— Движение — это иллюзия ума, — не открывая глаз, произнес Тензин. Его голос звучал глубоко и резонировал в груди. — Вы ищете точку в пространстве, Тарик. Но пространство сейчас ограничено этими стенами. Если мир вращается вокруг вас, сделайте центром покоя свое сердце. Направление не имеет значения, если намерение чисто.

— Легко сказать, когда твоя практика не привязана к географии, — беззлобно усмехнулся Тарик, сворачивая бумагу. — Но пророк учил, что вся земля может быть мечетью. Полагая, бесконечный поезд тоже является частью божьего замысла. Буду молиться по ходу движения. Создатель милостив к путникам.

Брат Серафим легко спрыгнул с верхней полки. Он поправил подрясник и достал из кармана несколько сухарей, предложив их соседям по купе.

— Путники мы все, — согласился монах. — И не важно, кто управляет этим составом — безумный ученый, как говорит тот человек у титана, или слепой случай. Господь попускает нам испытания по силам. Мы не пытаемся обратить друг друга в свою веру, Анна. В тесноте гордыня умирает первой. Мы просто делим хлеб и сохраняем тишину. В ней иногда можно услышать ответы, которые не даст ни один компас.

Журналистка поблагодарила их кивком и пошла дальше. Ее блокнот наполнился наблюдениями. Вагон не был просто металлической коробкой, набитой случайными жертвами. Он начал структурироваться, обрастать ролями. Появились исследователи вроде Марины, теоретики вроде Бориса, утешители вроде Леона и хранители духа в восемнадцатом купе.

Но главное открытие ждало Анну в самом конце коридора, у заблокированной двери хвостового тамбура.

Здесь освещение было особенно тусклым. За маленьким откидным столиком, привинченным к стене, сидел грузный мужчина с густыми седыми усами — Аркадий Ильич. На носу у него блестели очки в роговой оправе, а перед ним лежала массивная книга в потрепанном дерматиновом переплете. Страницы пожелтели, а углы истрепались до состояния бахромы. Рядом с Аркадием Ильичом, опираясь узловатыми руками на трость, стоял глубокий старик. Его выцветшие глаза смотрели сквозь стену вагона, куда-то в недоступное другим прошлое.

— Здравствуйте, — Анна подошла ближе, заинтригованная видом старинного фолианта. — Вы тоже записываете происходящее? Я журналист. Пытаюсь составить хронологию событий с момента посадки.

Аркадий Ильич поднял на нее тяжелый взгляд поверх очков. Его пальцы, испачканные чернилами, бережно поглаживали открытую страницу.

— Хронологию с момента посадки? — переспросил он, и в его голосе прозвучала горькая ирония. — Чьей посадки, милая девушка? Вашей? Или посадки тех, кто был до вас?

Он повернул книгу так, чтобы Анна могла видеть разворот. Это был не дневник и не сборник теорий. Это была амбарная книга, разделенная на ровные колонки. В левой части шли имена, в правой — даты. Но вместо привычных месяцев и годов стояли странные обозначения: «Цикл 48», «Цикл 112», «Темный перегон».

Строчки пестрели записями, сделанными разными почерками, разными чернилами, а иногда и простым карандашом.

«Мария В. Скончалась от лихорадки. Погребена в техническом отсеке под полом».
«Родился мальчик. Назвали Денисом. Мать слаба». *«Семья Петровых переведена в вагон 40 по распоряжению бригадира».*

Анна почувствовала, как перехватывает дыхание. Пальцы сильнее сжали собственный, вдруг показавшийся смехотворно тонким блокнот.

— Что это? — прошептала она.

— Летопись, — просто ответил Аркадий Ильич. — Я принял ее у предыдущего хранителя семь лет назад, когда он умер. А он принял ее у своего предшественника. Этот вагон — не ловушка, в которую вы случайно попали. Это деревня. Поселение на стальных колесах. Здесь рождаются, влюбляются, болеют и умирают. Вы, новички, думаете, что мир начался в тот момент, когда закрылись двери за вашей спиной. Но мы едем уже очень давно.

Старик, опиравшийся на трость, тяжело вздохнул. Его звали Игнат Матвеевич, и его лицо напоминало печеное яблоко, испещренное глубокими морщинами.

— Давно, — подтвердил Игнат Матвеевич надтреснутым голосом. — Я родился на верхней полке в девятом купе. Матушка рассказывала, что тогда свет давали только по часам. А двери... двери в тамбурах не были заварены.

Анна резко подняла голову.

— Переходы были открыты? Вы могли ходить в другие вагоны?

— Ходили, — старик кивнул, и его глаза на мгновение прояснились. — В сорок третьем жили хорошие люди. Мы меняли у них сушеное мясо на мыло. А в сорок первом была школа. Настоящая школа, с доской и мелом. Я помню сквозняк, который гулял между сцепками, когда мы бегали туда на уроки. А потом... потом что-то случилось. Говорят, в головных вагонах началась какая-то смута. Болезнь или бунт, никто точно не знает. В одну ночь лязгнули замки. Проводники прошли по составу, опустили железные засовы и заварили петли. С тех пор мы живем сами по себе.

Игнат Матвеевич замолчал, уставившись на глухую панель тамбурной двери. В его памяти эта стена всё еще оставалась открытым проходом в большой мир поезда, который теперь сузился до размеров одного вагона.

Аркадий Ильич макнул перьевую ручку в маленькую непроливайку.

— Как ваше имя и фамилия, девушка? — деловито спросил он.

— Анна... Анна Соколова.

Хранитель летописи аккуратно вывел ее имя на новой, пустой строке. Затем он посмотрел на свои наручные часы, сверился с каким-то внутренним ритмом и записал рядом: *«Притытие новых. Цикл текущий»*.

Журналистка смотрела на свежие чернила, впитывающиеся в рыхлую бумагу. Внезапно все разрозненные детали сложились в ее голове в единую, пугающую картину. Мальчик Денис, который никогда не видел станций. Автономная вентиляция, способная годами поддерживать жизнь. Спокойствие религиозных лидеров, принявших движение как данность. И эта книга, полная мертвецов и новорожденных.

Вагон номер сорок два не был пустой сценой, ожидающей актеров. Он был живым, старым организмом. Новые пассажиры, вырванные из Москвы, Ростова или Екатеринбурга в разные времена года, были лишь свежей кровью, впрыснутой в древние вены поезда. Кто-то забирал людей из внешнего мира и подсеял их к тем, для кого этот состав был единственной родиной.

Колеса внизу отбили сложный, рваный ритм на невидимой стрелке. Вагон качнулся. Анна смотрела на свое имя в летописи, осознавая, что чернила уже высохли, намертво впечатав ее судьбу в историю этого бесконечного рейса. Аркадий Ильич перевернул страницу, обнажая чистый лист, который только ждал новых записей о тех, кому суждено было остаться здесь навсегда.

Глава 3. Вопрос о локомотиве

— Послушайте, как она идет, — сухой, покрытый пигментными пятнами палец постукал по столешнице.

Степан не смотрел на собеседников. Взгляд бывшего машиниста был устремлен на поверхность чая в граненом стакане. Жидкость слегка дрожала, но ни разу не выплеснулась за края.

Илья проследил за его взглядом. Молодой инженер уже заметил эту странность, но пока не мог найти ей объяснение.

— Никаких рывков, — продолжил Степан, понизив голос. — Я водил тяжелые составы на Урале тридцать лет. Знаю каждую вибрацию. Когда берешь с места, когда тормозишь, когда проходишь стрелочный перевод — вагоны всегда реагируют. А здесь мы идем с абсолютно постоянной скоростью. И главное — рельсы.

Борис, сидевший напротив, скептически приподнял бровь.

— Обычный бархатный путь. Сварные плети.

— Сварные плети имеют температурные зазоры, умник, — резко оборвал его старый железнодорожник. — Даже на скоростных магистралях вы почувствуете стыки, пусть и редкие. Здесь их нет вообще. Полотно абсолютно однородное.словно мы катимся по бесконечной, идеально ровной стальной ленте. Так не бывает в природе.

Разговор происходил в девятом купе, куда мужчины стянулись после утренних волнений. Илья внимательно слушал Степана. Этот человек не был похож на остальных пассажиров. На нем была надета выцветшая, но аккуратная форменная рубашка без знаков различия, а в кармане брюк позвякивала связка тяжелых ключей.

— Вы сели в поезд не как пассажир? — спросил инженер.

Старик тяжело вздохнул, потирая переносицу.

— Служебная поездка. Меня отправили перегонять новый локомотив с завода. Сел в пассажирский вагон, чтобы добраться до узловых станций. Уснул. Проснулся — а двери не открываются. С тех пор и еду. Ищу свою кабину.

Борис поправил манжеты пиджака, всем своим видом демонстрируя превосходство образованного теоретика над практиком.

— Ваша ошибка, Степан, заключается в самом поиске. Вы ищете то, чего не существует. Идеально ровный ход, отсутствие остановок, заблокированные переходы — всё это указывает на полную автоматизацию процесса. Нами управляет алгоритм. Машиниста нет. Кабины управления тоже нет. Мы находимся внутри замкнутой системы, которая движется по заранее заданному кругу.

Степан подался вперед, его глаза сузились.

— Машина не может ехать вечно без человека. Механизмы изнашиваются. Тормозные колодки стираются. Электроника сбоит. Кто-то должен сидеть за контроллером.

В дверях купе возникла массивная фигура. Виктор оперся плечом о косяк, скрестив руки на груди. Бывший военный внимательно прислушивался к спору.

— Значит, нужно проверить, — рублеными фразами произнес он. — Задний тамбур мы видели. Там сидит летописец, и дверь глухая. Но есть передний переход. Если локомотив существует, путь к нему лежит через голову состава.

Илья кивнул, поднимаясь с места.

— Я готов попытаться. В хвостовой части замки были обесточены. Если здесь та же картина, мы сможем снять декоративную обшивку и добраться до механизма ручного расцепления.

Трое мужчин вышли в коридор, направляясь к началу вагона. Борис, немного помедлив, двинулся за ними. Ему не терпелось получить физическое подтверждение своей теории.

Проходя мимо пятнадцатого места, они заметили Михаила и Елену. Пожилая пара тихо беседовала, разбирая небольшую дорожную сумку. Михаил поднял голову, провожая взглядом решительно настроенную группу.

— Молодые люди, вы куда-то собрались? — голос пенсионера дрогнул от скрытой тревоги. — Может быть, не стоит провоцировать администрацию? Мы только начали привыкать к обстановке.

Елена мягко коснулась рукава мужа.

— Миша, пусть идут. Мужчинам нужно действовать, иначе они сойдут с ума от безделья.

Виктор коротко кивнул старикам, не сбавляя шага. Передняя тамбурная зона встретила их тусклым светом единственного работающего плафона. Здесь было прохладнее, чем в жилой части вагона.

Массивная торцевая дверь выглядела точно так же, как и задняя. Гладкий пластик, магнитный считыватель без признаков жизни, узкая щель между створками.

Илья подошел вплотную, доставая из кармана куртки свой складной нож.

— Снаружи нет видимых петель, — инженер провел пальцами по краю дверной коробки. — Конструкция скрытого типа. Но любая панель крепится к несущему каркасу. Если мы снимем вот этот боковой молдинг, то получим доступ к технической нише.

Лезвие ножа скользнуло под серую пластиковую накладку. Илья нажал, используя инструмент как рычаг. Раздался сухой треск, но пластик поддался лишь на миллиметр.

— Дай-ка я, — Виктор отстранил инженера.

Бывший офицер ухватился за отогнутый край голыми руками. Мышцы под камуфляжной курткой напряглись. С глухим хрустом длинная полоса пластика оторвалась от креплений, обнажив темное нутро стены.

Внутри клубилась многолетняя пыль, скрывающая сплетение толстых кабелей и металлических тяг.

Степан протиснулся вперед, подсвечивая нишу маленьким карманным фонариком, который всегда носил с собой. Луч выхватил из темноты не механизм замка, а нечто совершенно иное.

За декоративной панелью не было пустого пространства тамбурного перехода. Там находилась сплошная стальная плита. Толстый металл покрывали грубые, бугристые швы сварки. Кто-то приварил этот лист намертво, перекрыв любые пути вперед.

Борис издал торжествующий смешок.

— Что я вам говорил? — теоретик указал на непреодолимую преграду. — Никакого локомотива. Никакого прохода. Нас запечатали в капсуле. Вы ищете призрака, Степан.

Лицо старого машиниста потемнело. Он провел рукой по холодному, неровному шву.

— Это не заводская работа. Варили в спешке. Прямо на ходу. Кто-то очень хотел отрезать этот вагон от остального состава.

Илья просунул руку глубже в нишу, пытаясь нащупать края стального листа. Его пальцы задели пучок проводов. Внезапно в глубине стены что-то щелкнуло.

Резкий, едкий запах горячей изоляции ударил в ноздри. Из-под переплетенных кабелей повалил сизый дым.

— Назад! — скомандовал Виктор, оттаскивая инженера за куртку.

Внутри ниши вспыхнули яркие желтые искры. Оголенный провод, потревоженный неосторожным движением, замкнул на металлический каркас вагона. Температура стремительно росла. Пластиковая оплетка начала плавиться, капая горящими каплями на скопление сухой пыли внизу.

Пожар в замкнутом пространстве поезда означал верную смерть. Окна не разбивались. Вентиляция гоняла воздух по кругу. Удушливый дым заполнит купе за считанные минуты.

Илья лихорадочно огляделся в поисках огнетушителя, но крепление на стене пустовало. Виктор уже стягивал с себя куртку, намереваясь сбить пламя плотной тканью.

— Отойдите от панели, пожалуйста.

Голос прозвучал спокойно, почти буднично. Мужчины резко обернулись.

В коридоре стояли двое. Мужчина и женщина в темно-синей форме с аккуратными серебристыми пуговицами. На их лацканах блестели эмблемы с перекрещенными ключами. Обычные проводники. Никакого оружия, никаких угрожающих поз.

Женщина держала в руках небольшую рацию, а мужчина уже шагнул к искрящейся нише. В его руках блеснули профессиональные кусачки с толстыми диэлектрическими ручками.

— Разрешите, — вежливо произнес он, мягко отодвигая Виктора в сторону.

Проводник действовал быстро и точно. Одно движение инструмента — и силовой кабель был перекушен. Искрение мгновенно прекратилось. Вторым движением он зачистил концы, быстро намотал толстый слой изолянты и залил тлеющую пыль из маленького портативного баллончика.

Дым начал рассеиваться. Запах озона и горелого пластика всё еще висел в воздухе, но непосредственная угроза миновала.

Проводник выпрямился, убирая инструмент в поясную сумку. Его лицо оставалось бесстрастным, приветливым и совершенно непроницаемым.

— Несанкционированное вскрытие технических панели нарушает контур безопасности вагона, — произнесла женщина с рацией. Ее тон напоминал голос диктора на вокзале, объявляющего прибытие поезда. — Старая проводка не выдерживает механического воздействия. Мы просим пассажиров воздержаться от подобных действий ради вашего же блага.

Виктор нахмурился, оценивая ситуацию. Эти люди не вели себя как надзиратели. Они не кричали, не угрожали карцером. Они просто пришли и предотвратили катастрофу, которую сами же пассажиры чуть не устроили.

Илья почувствовал укол вины. Его инженерное любопытство едва не стоило жизни всем обитателям сорок второго.

— Откуда вы взялись? — хрипло спросил Степан, выступая вперед. — Мы дежурили в коридоре. Никто не проходил. У вас есть служебные помещения?

— Наша задача — обеспечивать комфорт и порядок на вверенном участке, — стандартной фразой ответил проводник-мужчина. Он поднял с пола оторванный пластиковый молдинг и аккуратно прислонил его к стене. — Если вам понадобится чай или чистое белье, вы всегда можете обратиться к нам.

Старый машинист не собирался сдаваться. Он указал дрожащим пальцем на заваренную стальную плиту в глубине ниши.

— А это что такое? Кто заварил проход в головную часть? Где локомотив? Кто управляет составом?

Женщина в форме чуть заметно улыбнулась. Это была идеальная, профессиональная улыбка стюардессы, за которой не скрывалось ни капли эмоций.

— Поезд следует по маршруту. Системы жизнеобеспечения функционируют в штатном режиме. Пожалуйста, вернитесь на свои места. Скоро начнется раздача вечерних пайков.

Они развернулись и пошли по коридору, не дожидаясь дальнейших вопросов. Их шаги были бесшумными, словно они скользили над потертым ковролином.

Виктор проводил их тяжелым взглядом.

— Грамотно работают, — процедил бывший военный. — Появились ровно в тот момент, когда мы нарушили периметр. И ушли от ответов, прикрывшись спасением наших жизней.

Борис торжествующе поправил очки.

— Они подтвердили мои слова. Обратите внимание на формулировку: «Поезд следует по маршруту». Никаких упоминаний машиниста. Обслуживающий персонал просто поддерживает порядок в автономном блоке. Мы предоставлены сами себе.

Илья молча смотрел на обгоревшую изоляцию внутри стены. Инженерный ум подсказывал ему, что проводники появились слишком быстро. Они не могли прийти из другого вагона — двери были заблокированы. Значит, где-то здесь, за фальшивыми переборками или под полом, существовали скрытые технические коридоры.

Степан подошел к стене и прижался ухом к холодному металлу приваренной плиты. Старик закрыл глаза, вслушиваясь в монотонный гул.

— Ты слышишь меня? — прошептал он в пустоту. — Я знаю, что ты там. Я найду к тебе дорогу.

Машинист медленно открыл глаза и посмотрел на своих спутников. В его взгляде не было ни страха, ни сомнений, которые пытался посеять Борис.

— Они спасли нас от пожара, — признал Степан глухим голосом. — В этот раз. Но они охраняют не нас. Они охраняют тайну того, что находится за этой стеной. И пока мы не узнаем правду, мы останемся пленниками, даже если нас будут кормить трижды в день.

Илья отступил на шаг, давая Степану больше пространства. Молодой человек анализировал произошедшее. Замыкание не было случайностью. Скрытая проводка располагалась именно так, чтобы любая попытка вскрыть панель вслепую приводила к короткому замыканию. Это была примитивная, но эффективная ловушка от дурака. Защита от несанкционированного доступа, встроенная в саму архитектуру вагона.

— Нам нужны инструменты, — негромко произнес инженер. — Настоящие инструменты, а не перочинный нож. Мультиметр, кусачки, изоляционная лента. Без них соваться в технические ниши — самоубийство.

Виктор поднял с пола свою куртку и отряхнул ее от пыли.

— Инструменты просто так не валяются. Если у этих «стюардов» есть скрытые помещения, значит, там хранится и инвентарь. Надо за ними проследить. Вычислить их маршруты.

Борис покачал головой, выражая крайнюю степень неодобрения.

— Вы собираетесь играть в шпионов с системой, которая контролирует воздух, которым вы дышите? Это крайне нерационально. Нам следует сосредоточиться на обустройстве быта, а не на взломе дверей.

Михаил, наблюдавший за ними издали, наконец решился подойти ближе. Старик опирался на деревянную трость, его лицо выражало крайнюю степень озабоченности.

— Господа, я слышал запах гари. Что здесь произошло?

— Небольшая техническая неполадка, — быстро ответил Илья, стараясь не пугать пенсионера. — Проводники уже всё устранили.

— Проводники? — Михаил удивленно моргнул. — Но Леночка только что видела их в другом конце вагона. Они несли кому-то свежие полотенца.

Виктор и Илья переглянулись. Прошло меньше минуты с тех пор, как мужчина и женщина в синей форме скрылись за поворотом коридора. Они физически не могли оказаться на противоположном конце состава так быстро, да еще и с полотенцами в руках.

— Их больше, чем двое, — сделал вывод бывший военный. — Целая бригада, растворенная среди нас. И они всегда появляются там, где происходит что-то нестандартное.

Степан отстранился от заваренной переборки. Его руки были перепачканы черной пылью и ржавчиной. Старый машинист смотрел на гладкий пластик тамбурной двери, за которым скрывалась глухая стена.

— Пусть их будет хоть целая армия, — упрямо произнес он. — Железо есть железо. У любой стены есть слабое место. Мы просто пока его не нашли.

Он развернулся и медленно пошел по коридору, тяжело ступая по ковровой дорожке. Илья смотрел ему вслед, понимая, что одержимость Степана может стать как их главным двигателем, так и причиной их гибели. Забота системы оказалась с двойным дном: она защищала пассажиров от пожара, но одновременно жестко пресекала любые попытки выйти за установленные рамки. И пока никто из них не знал, где проходит граница между безопасностью и тюрьмой.

Глава 4. Экраны и порядок

Вспышка статического электричества с тихим треском пробежала по матовым стеклам под самым потолком коридора. Секундой позже темные прямоугольники, вмонтированные в деревянные панели над каждой дверью купе, одновременно ожили. Мягкий голубоватый свет залил узкое пространство вагона, заставив людей зажмуриться с не привычки.

Глухое гудение вентиляции отступило на второй план. Из скрытых динамиков полилась плавная, успокаивающая инструментальная музыка. Мелодия была лишена четкого ритма, она скорее обволакивала, чем звучала, напоминая шум океанского прибоя или шелест листвы — звуки, которых никто из присутствующих здесь давно не слышал вживую.

Анна стояла у окна, прижимая к груди свой блокнот. Журналистка внимательно наблюдала, как на экранах появилось изображение залитого солнцем весеннего луга, которое плавно сменилось абстрактными, медленно вращающимися спиралями теплых оттенков.

— Уважаемые пассажиры, — произнес приятный, бархатистый женский голос, идеально синхронизированный с визуальным рядом. — Администрация рада приветствовать вас. Ваше спокойствие и безопасность — наш главный приоритет. В целях поддержания благоприятной атмосферы мы запускаем систему информационно-развлекательного вещания.

Картинка на экране сменилась. Теперь там сидел диктор в строгом костюме на фоне размытого изображения движущегося состава.

— Вчерашние временные трудности в хвостовых секторах были успешно преодолены благодаря слаженной работе технического персонала, — уверенно вещал диктор. — Движение продолжается в заданном темпе. Показатели жизнеобеспечения находятся на оптимальном уровне. Напоминаем, что излишнее беспокойство негативно сказывается на вашем здоровье. Доверяйте профессионалам.

Карандаш Анны быстро заскользил по бумаге. Профессиональная привычка анализировать текст сработала мгновенно. Девушка выписывала ключевые фразы, и с каждой новой строчкой ее недоумение росло. Новости звучали солидно, но были абсолютно пустыми. Дик-

тор не назвал ни одной даты. Не прозвучало ни одного географического названия, ни одной станции, ни одного имени, кроме безликого «технического персонала». Это был идеальный информационный вакуум, упакованный в форму выпуска новостей.

Дверь соседнего купе приоткрылась шире. Пожилая пара, Михаил и Елена, вышли в коридор, завороченно глядя на светящийся монитор. Лицо Елены, до этого напряженное и бледное, слегка разгладилось.

— Смотри, Миша, — тихо произнесла она, указывая на сменяющиеся пейзажи. — Прямо как телевизор дома. Значит, связь с миром есть. Значит, о нас помнят.

Журналистка хотела возразить, сказать, что это записанная заранее трансляция, не имеющая отношения к реальности за бронированными окнами, но промолчала. Иллюзия нормальности действовала на людей как обезболивающее.

В дальнем конце коридора раздался негромкий мелодичный звонок. Гладкая стена между десятым и одиннадцатым купе, которая казалась монолитной, вдруг дрогнула. Узкая сервисная панель бесшумно отъехала в сторону, открывая доступ к скрытому грузовому лифту или небольшому складу.

Оттуда вышли двое проводников. Их темно-синяя форма сидела безупречно, на лацканах поблескивали скрещенные ключи. Мужчина толкал перед собой легкую металлическую тележку на резиновом ходу, уставленную одинаковыми серебристыми пакетами. Женщина шла рядом, держа в руках электронный планшет.

— Время вечернего рациона, — объявила она ровным, приветливым тоном. — Пожалуйста, подготовьте ваши посадочные талоны для сканирования.

Пассажиры начали неуверенно выходить из своих отсеков. Раздача еды мгновенно превратила разрозненную толпу в подобие организованной очереди. Запахло чем-то теплым, отдаленно напоминающим тушеное мясо и злаки.

Анна подошла ближе, наблюдая за процессом. Проводники действовали с пугающей эффективностью. Взмах сканера над билетом, короткий писк подтверждения, выдача серебристого пакета. Никаких лишних движений.

Из седьмого купе вышла Вера. Женщина выглядела так, словно не спала несколько суток. Темные круги под глазами контрастировали с лихорадочным блеском зрачков. В дрожащих руках она сжимала исписанный тетрадный лист.

— Подождите, — Вера преградила путь тележке, не обращая внимания на недовольный ропот стоящих позади людей. — Мне не нужна еда. Мне нужен мой сын. Максим. Ему семь лет. Он был со мной на перроне, а потом... потом двери закрылись.

Проводник-мужчина остановил тележку. Его лицо не выразило ни раздражения, ни сочувствия. Это была маска идеального обслуживающего персонала.

— Пожалуйста, освободите проход для раздачи рационов, — произнес он заученную фразу.

— Я никуда не уйду! — голос Веры сорвался на крик, отразившись от пластиковых панелей потолка. — Вы администрация! Вы должны знать, где дети! Я написала официальное заявление. Вот, возьмите!

Она сунула смятый лист прямо в лицо женщине с планшетом. Та не отшатнулась. Аккуратным движением проводница взяла бумагу, разгладила ее на поверхности своего устройства и нажала несколько кнопок. Тонкий луч встроенного сканера пробежал по неровным строчкам, написанным отчаявшейся матерью.

— Запрос зарегистрирован, — бесстрастно сообщила проводница. — Вашему обращению присвоен номер сорок два, дефис, восемнадцать, литера Б.

Вера замерла, тяжело дыша.

— И что теперь? Когда вы его найдете? Вы свяжетесь с другими вагонами?

— Система поиска пассажиров функционирует в фоновом режиме, — ответила женщина, возвращая Вере ее лист, на углу которого теперь красовался красный штамп с цифрами. — Ожидайте уведомления. Поезд следует по расписанию.

Формула прозвучала как приговор. Вера опустила глаза на красный штамп. Бумажная бюрократия дала ей иллюзию действия, но не дала никакой надежды. Регистрационный номер не мог заменить тепло детской руки. Женщина медленно прижала листок к груди и отступила к стене, позволяя тележке покатиться дальше.

Внезапно свет в вагоне мигнул.

Ровное гудение вентиляции захлебнулось, сменившись натужным воем. Лампы дневного света погасли на секунду, оставив коридор освещенным только ярким, режущим светом информационных экранов. Вагон слегка дернулся.

В районе титана раздался резкий хлопок, за которым последовал пронзительный детский крик.

Скачок напряжения вызвал сбой в системе подогрева воды. Предохранительный клапан массивного металлического цилиндра не выдержал давления, и струя перегретого пара вырвалась наружу, ударив прямо в стену. Маленький мальчик из третьего купе, стоявший слишком близко к бойлеру с пустой кружкой, инстинктивно отшатнулся и упал, схватившись за предплечье.

Толпа ахнула. Кто-то бросился к ребенку, но проводник оказался быстрее.

Бросив тележку с рационами, мужчина в синей форме преодолел расстояние до титана двумя длинными прыжками. Его движения утратили плавность обслуживающего персонала и приобрели резкость тренированного спасателя.

— Назад! Всем отойти! — скомандовал он, и в его голосе впервые зазвучал металл.

Проводник опустился на колени рядом с плачущим мальчиком. Одно быстрое движение — и рукав детской рубашки был аккуратно разрезан портативными ножницами, извлеченными из поясной сумки. На бледной коже стремительно вздувался красный волдырь термического ожога.

Женщина-проводница уже стояла рядом. Она не стала тратить время на успокаивающие слова. Ее пальцы быстро набрали код на панели планшета, а затем она поднесла к губам микрофон, скрытый в воротнике рубашки.

— Код три. Сектор сорок два. Термическая травма первой степени. Запрашиваю медицинский протокол.

Мужчина тем временем достал из аптечки серебристый баллончик.

— Потерпи, малыш, сейчас станет холодно, — произнес он неожиданно мягким, человеческим тоном.

Густая белая пена легла на обожженную кожу. Мальчик всхлипнул, но кричать перестал. Запахло ментолом и сложным химическим составом. Гидрогель мгновенно изолировал травму, снимая боль и предотвращая образование глубоких рубцов. Проводник ловко наложил поверх пены прозрачную фиксирующую повязку.

Мать ребенка, наконец пробившаяся через толпу зевак, упала на колени, прижимая сына к себе.

— Спасибо... Господи, спасибо вам, — бормотала она, со слезами глядя на аккуратную повязку.

Проводник поднялся, отряхивая брюки. Его лицо снова приобрело нейтральное выражение.

— Медицинская помощь оказана. Угрозы нет. Пожалуйста, соблюдайте дистанцию от нагревательных приборов во время технических корректировок тяги. Поезд следует по расписанию.

Они вернулись к своей тележке, как ни в чем не бывало, и продолжили раздачу пайков.

Анна стояла у стены, наблюдая за реакцией пассажиров. Инцидент с ожогом и мгновенная, высокопрофессиональная реакция обслуживающего персонала произвели глубокое впечатление на людей. Страх перед неизвестностью начал сменяться благодарностью.

— Видели? — тихо произнес Борис, подойдя к журналистке. Теоретик поправил очки, с удовлетворением глядя вслед проводникам. — Я же говорил. Система заботится о нас. Да, мы заперты, да, мы не понимаем конечной цели эксперимента. Но они не хотят нашей смерти. У них есть протоколы на любой случай. Экраны успокаивают психику, охрана лечит раны. Нужно просто принять правила игры.

Анна ничего не ответила. Она развернулась и пошла в противоположный конец вагона, туда, где свет экранов казался менее навязчивым.

Возле глухой двери хвостового тамбура, за своим откидным столиком, сидел Аркадий Ильич. Хранитель летописи не стоял в очереди за едой. Перед ним лежала открытая амбарная книга, а рядом остывал чай в граненом стакане.

Экран над его головой транслировал передачу о животных. Пушистые котята играли с клубком ниток под жизнерадостную музыку.

— Решили не получать паек? — спросила Анна, присаживаясь на край нижней полки соседнего купе.

Старик поднял на нее тяжелый взгляд поверх очков в роговой оправе.

— Игнат Матвеевич принесет мою долю, — ответил он, аккуратно обмакивая перо в чернильницу. — Я предпочитаю наблюдать издали. Что скажете о нашем новом развлечении, Анна? Вы ведь работали со словом.

Журналистка посмотрела на играющих котят.

— Это замена реальности. Они дают нам картинку, чтобы мы перестали смотреть за окно. Чтобы перестали задавать вопросы о заваренных дверях.

Аркадий Ильич кивнул, выводя новую строчку в книге.

— Хуже. Они отменяют время. Посмотрите на эти новости. Там нет вчерашнего дня и нет завтрашнего. Только вечное, благополучное «сейчас». Если человек смотрит в этот экран достаточно долго, он забывает, что у него была жизнь до посадки в вагон. Он забывает, что у поезда должна быть конечная станция. Экран становится его миром.

Он повернул книгу к Анне. На свежей странице чернилами было выведено: *«Цикл текущий. Включены мониторы. Ребенок получил ожог. Выдана еда»*.

— Летопись помнит боль, — тихо сказал старик. — Летопись помнит смерть. А экраны транслируют только порядок. Половина вагона уже готова молиться на этих проводников за тубик мази и теплый ужин.

В коридоре послышались легкие шаги. Мальчик Денис, который утверждал, что живет в поезде уже одиннадцать лет, остановился неподалеку. Он не смотрел на котят. Его взгляд был устремлен на решетку динамика, расположенную рядом с экраном.

Мальчик поманил Анну пальцем. Журналистка извинилась перед летописцем и подошла к подростку.

— Вы заметили? — шепотом спросил Денис.

— Что именно?

Мальчик огляделся. Коридор был почти пуст — большинство пассажиров разошлись по купе, чтобы съесть свои пайки под бормотание телевизионных программ.

— Слушайте музыку, — сказал Денис.

Он сделал шаг ближе к экрану и произнес нормальным, спокойным голосом:

— Сегодня на ужин давали гречневую кашу с мясом. Пакеты были теплые.

Музыка из динамика продолжала играть на прежнем, фоновом уровне. Котята на экране сменились видами горного озера.

Денис посмотрел на Анну, затем снова повернулся к панели. Он не стал кричать, он просто изменил тему.

— Кто заварил стальную плиту в переднем тамбуре? Почему проводники прячут технические коридоры? Где находится машинист этого поезда?

В ту же секунду спокойная инструментальная мелодия резко прибавила громкость. Звук не стал оглушительным, но он стал достаточно плотным, чтобы полностью поглотить слова мальчика. Динамик выдал мощный аккорд, который заполнил коридор, заставляя вибрировать пластиковую обшивку стен.

Анна вздрогнула. Она подошла вплотную к Денису.

— Нам нужны инструменты, чтобы сломать замки на дверях, — произнесла журналистка, четко артикулируя каждое слово.

Громкость трансляции снова скакнула вверх. Теперь из динамиков лилась торжественная симфония, барабанный бой которой делал невозможным любой нормальный разговор. Слова Анны утонули в медных духовых.

Денис отступил на шаг и замолчал. Спустя десять секунд алгоритм, управляющий вещанием, плавно снизил громкость до прежнего, комфортного уровня. Горное озеро на экране сверкало в лучах искусственного солнца.

Мальчик посмотрел на журналистку. В его глазах не было детской наивности. Это был взгляд человека, выросшего внутри механизма и знающего его повадки.

— Они не просто показывают нам картинки, — тихо произнес Денис, следя за тем, чтобы его голос не превышал безопасный порог. — Они нас слушают. Всегда.

Анна посмотрела на длинную вереницу светящихся экранов, уходящую вглубь вагона. В каждом купе, над каждой дверью висел этот недремлющий глаз, прикрытый красивой картинкой.

Пассажиры ели свои рационы, обсуждая вкус еды и радуясь внезапному комфорту. Вера сидела на своей полке, сжимая в руке бумажку с номером, веря, что где-то в недрах состава кто-то действительно ищет ее сына. Борис с гордостью рассказывал соседям о правильности соблюдения инструкций.

Порядок был восстановлен. Система дала людям еду, медицинскую помощь и развлечения. Но цена этого порядка только что стала Анне абсолютно ясна.

Она достала блокнот. Музыка мягко шелестела над головой, убаюкивая бдительность. Журналистка прислонилась к холодной стене вагона, чувствуя, как мелкая дрожь пробивает тело. Колеса внизу продолжали отстукивать свой бесконечный ритм, унося их всё дальше по путям, у которых не было ни начала, ни конца.

Анна открыла чистую страницу. Карандаш замер над бумагой. Писать о том, что они находятся под постоянным акустическим контролем, было опасно. Но не писать об этом означало сдаться.

Журналистка сделала глубокий вдох, прислушиваясь к ровному дыханию поезда, и вывела первую букву. Динамик над ее головой тихо щелкнул, словно фиксируя это движение, но музыка осталась спокойной. Пока мысли не превращались в звуки, система позволяла им существовать. Охота велась не за людьми, охота велась за их словами. И этот вагон, с его заваренными дверями и добрыми проводниками, был идеальной ловушкой для тех, кто решит заговорить слишком громко.

Глава 5. Семь версий пути

Секундная стрелка старых командирских часов совершила ровно половину оборота.

Денис сидел на корточках в самом темном углу тамбурного перехода, не отрывая взгляда от потертого циферблата. Мальчик ждал. Ровно в 19:45 по искусственному времени вагона лампы дневного света дрогнули. Напряжение в сети резко упало. Длинный коридор мгновенно

погрузился в густую серую полутень, сквозь которую проступали только холодные светящиеся прямоугольники информационных панелей над дверями.

Раз. Два. Три.

Свет вернулся с глухим, натужным гудением скрытых в потолке дросселей.

Огрызок карандаша оставил короткую, уверенную черту на странице растрепанного блокнота. Десятый день подряд. Десятая отметка в колонке ежевечерних наблюдений. Аномалия повторялась с пугающей точностью, секунда в секунду, словно гигантское сердце состава делало короткую паузу перед новым ударом.

Илья присел рядом, опираясь спиной о рифленую пластиковую обшивку стены. Молодой инженер наблюдал за подростком с растущим уважением. Пока взрослые тратили энергию на панику или слепую веру в телевизионные картинки, этот ребенок, выросший под стук колес, методично собирал данные.

— Три секунды, — негромко констатировал Илья, глядя на записи. — Каждое окно, каждая лампа в вагоне теряет мощность.

— Это переключение контуров, — ответил Денис, пряча блокнот во внутренний карман куртки. — Энергия уходит куда-то еще. Может быть, на очистку фильтров. Или на запуск тяжелых двигателей в голове состава. Никто не замечает, потому что все в это время смотрят вечерние программы.

Вагон номер сорок два постепенно менялся. Первоначальный шок от осознания запертых дверей и бесконечного движения рассеялся, уступив место сложной, многослойной системе выживания. Люди перестали сидеть на чемоданах в ожидании скорой станции. Незнание оказалось слишком тяжелым грузом для человеческой психики, и пассажиры начали инстинктивно защищаться от нее, выстраивая собственные картины мира. Сообщество разделилось не на праведников и злодеев, а на способы сосуществования с тайной.

Илья поднялся на ноги и пошел по коридору. Ему нужно было проверить, как идут дела в шестом купе, которое за последние дни превратилось в неофициальный дискуссионный клуб.

По пути он миновал несколько отсеков, где плотно закрытые двери скрывали сторонников самого массового пути — пути послушного быта. Сквозь тонкие переборки доносилось ровное, убаюкивающее бормотание динамиков. Там люди ели свои стандартизированные пайки, смотрели трансляции о красивой природе и убеждали себя, что заботливая администрация держит всё под контролем. Для них поезд был просто затянувшимся рейсом с хорошим обслуживанием. Вопросы считались источником головной боли, а поиск ответов — нарушением комфорта.

Дверь шестого купе была сдвинута до упора. Внутри, в тесном пространстве между полками, яблоку негде было упасть. Воздух здесь всегда казался спертым от жарких споров, несмотря на исправно работающую вентиляцию.

Степан сидел у окна, тяжело опершись локтями о столик. Старый железнодорожник методично вытирал руки куском ветоши, хотя они давно были чистыми.

— Техника не живет сама по себе, — его хриплый голос перекрывал фоновый шум колес. — Любой подшипник требует смазки. Любая релешка рано или поздно залипает. Я тридцать лет водил поезда. Вы можете автоматизировать подачу топлива, можете поставить датчики на каждую ось, но когда на пути возникает нестандартная ситуация, спасает только человек в кабине. Машинист существует. Он там, за этими заваренными плитами. И он держит руку на контроллере.

Борис, расположившийся на верхней полке, снисходительно поправил очки. Теоретик свесил ноги вниз, всем своим видом демонстрируя превосходство академической логики над рабочей интуицией.

— Ваша вера в Машиниста, Степан, имеет чисто религиозную природу, — парировал он, чеканя каждое слово. — Вам психологически комфортнее думать, что у этого безумия есть

хозяин. Но факты говорят об обратном. Идеально ровный ход, отсутствие станций, синтетическая пища — всё это признаки замкнутой, полностью автономной системы. Мы находимся внутри гигантского алгоритма. Никакого человека за пультом нет. Программа выполняет заложенный код, а проводники — лишь биологические функции обслуживания этого кода.

Илья остановился в дверях, слушая этот спор, который повторялся каждый вечер с небольшими вариациями. Это были две самые сильные версии: живая воля против холодного расчета.

— Вы оба упускаете главное, — раздался спокойный женский голос из коридора.

Биолог Марина протиснулась мимо Ильи. В руках она держала небольшую стеклянную колбу, сделанную из разбитого плафона, внутри которой плавал зеленоватый осадок.

— Вы спорите о механике, забывая о биологии, — продолжила она, поднимая колбу на уровень глаз. — Поезд нельзя рассматривать просто как машину или алгоритм. Посмотрите на систему регенерации воздуха. Посмотрите на состав воды, которую мы пьем. Она проходит через органические фильтры. Мы выделяем тепло, влагу, углекислый газ, а система возвращает нам кислород и пищу. Это не просто транспортное средство. Это самообслуживающаяся экосистема. Гигантский симбиотический организм. Мы не просто пассажиры, мы — часть его микрофлоры. Если мы исчезнем, нарушится баланс.

Борис фыркнул, отворачиваясь к стене, но Степан задумчиво посмотрел на зеленоватую жидкость в руках Марины. Теория живого поезда пугала старика гораздо больше, чем идея бездушного компьютера.

Марина не стала дожидаться возражений. Она развернулась и направилась в двенадцатое купе, которое за последние дни претерпело кардинальные изменения. Женщина организовала там настоящую микро-лабораторию. Осколки стекол служили предметными стеклами, нити из старой одежды стали измерительными шкалами, а в пластиковых стаканчиках отстаивались образцы конденсата, собранного с оконных рам. Она выбрала путь активного поиска, решив, что если не может открыть двери физически, то вскрыет природу этого места через анализ доступной материи.

Илья проводил ее взглядом и заметил Аркадия Ильича, стоявшего у титана с пустой кружкой. Хранитель летописи внимательно слушал обрывки спора из шестого купе.

— Интересные теории, — произнес старик, подставляя кружку под кран. Тонкая струйка кипятка с шипением ударилась о металлическое дно. — Машинист, алгоритм, экосистема... А кто-нибудь задумывался о времени?

Инженер подошел ближе.

— Вы имеете в виду вашу теорию вечного маршрута?

Аркадий Ильич закрыл кран и медленно кивнул. Его глаза за толстыми линзами очков казались усталыми, но невероятно острыми.

— Люди ищут конечную станцию или причину катастрофы, потому что их разум привык к линейности. Рождение, жизнь, смерть. Отправление, путь, прибытие. Но что, если рельсы замкнуты в кольцо размером с континент? Летопись содержит записи о людях, которые сидели в этот вагон десятилетия назад. Они тоже спорили. Тоже строили лаборатории.

Старик сделал глоток горячей воды, морщась от пара.

— Знаете, что самое опасное в этих спорах, Илья? Не сами идеи. Опасен страх, который прячется за ними. Я помню сорок восьмой цикл. Тогда тоже начались волнения. Группа пассажиров решила, что поезд терпит бедствие и ресурсы скоро закончатся. Версия случайной катастрофы. Они поддались панике и попытались взять под контроль запасы питьевой воды. Появились самозванные правители. Они делили вагон на зоны влияния, решали, кому пить, а кому терпеть. Начались жестокие драки из-за куска мыла или лишнего одеяла.

Голос летописца стал тише, почти перешел на шепот.

— Страх перед неизвестностью превращает людей в зверей гораздо быстрее, чем реальный голод. Сейчас мы спорим мирно. Но как только одна из групп решит, что ее версия — единственно верная, прольется кровь.

Илья посмотрел вдоль коридора. Вагон действительно казался мирным. Но слова Аркадия Ильича оставили тяжелый осадок. Инженер понимал, что хрупкое равновесие держится только на отсутствии внешнего давления.

В дальнем конце вагона, ближе к хвостовому тамбуру, установилась совершенно иная атмосфера. Пассажиры негласно объявили пространство возле семнадцатого и восемнадцатого купе зоной тишины. Сюда приходили те, кто устал от бесконечных гипотез и шума телевизионных экранов.

Брат Серафим сидел на откидном сиденье в коридоре, аккуратно зашивая длинную прореху на рукаве своей выцветшей рясы. Иголлка с суровой ниткой ритмично ныряла в плотную ткань. Рядом, прислонившись спиной к двери, стоял Тарик. Мусульманский богослов медленно перебирал темные деревянные четки.

Они не участвовали в дискуссиях о локомотиве или алгоритмах. Для них техническое устройство поезда не имело принципиального значения.

— Они тратят столько сил, пытаясь заглянуть за железную стену, — негромко произнес Тарик, глядя на то, как ловко орудует иглой православный монах. — Будто знание о том, как крутятся колеса, принесет им покой.

Серафим затянул узелок и откусил нитку.

— Человеческому разуму свойственно искать опору в материальном, брат Тарик. Когда пол уходит из-под ног, хочется ухватиться за чертеж. Но чертеж не спасает душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.